

ДЖОЙ И. ЭДЕЛЬМАН

К ПРЕДПОСЫЛКАМ И ЭТАПАМ ПЕРЕХОДА И.-Е. *s В \check{s} В ЯЗЫКАХ ГРУППЫ САТЭМ

Переход в языках группы сатэм и.-е. *s в \check{s} -образные звуки после рефлексов и.-е. *i, *u, *r, *k (согласно „правилу *ruki*“) неоднократно подвергался анализу в специальных трудах по истории этих языков и в общих индоевропейских работах, где он рассматривался в основном в аспектах сравнительно-исторической фонетики и диахронической фонологии¹, а также в новом, нетрадиционном аспекте взаимодействия языковых уровней, особенно в плане воздействия морфологии и словообразования на фонетические процессы [Каралюнас 1966, 113–126]. Вместе с тем отдельный интерес представляют и иные аспекты рассмотрения этого процесса, в частности: а) артикуляционные, т. е. чисто фонетические, предпосылки его возникновения; б) условия и способы фонологизации его результатов; в) относительная хронология фонетических и фонологических явлений, составлявших данный процесс. При этом приходится учитывать, что ход этого процесса, особенно в аспектах б) и в), в разных подгруппах и даже отдельных языках группы сатэм мог протекать (и действительно протекал) неодинаково.

Известно, что во всех языках группы сатэм процессы различных изменений и.-е. *s и становления оппозиции $s \sim \check{s}$ были тесно связаны с процессами трансформации индоевропейских так наз. гуттуральных, особенно палатальных (в традиционной нотации * \check{k} , * \check{g} , * \check{gh}) и велярных (для языков сатэм это уже только * k , * g , * gh) при вторичной палатализации последних² перед *i, * \check{i} , *e (и в некоторых иных позициях)³. При этом различия в протекании и тех,

¹ Из последних по времени исследований см., напр., Гамкрелидзе, Иванов 1984, I, 116–129; Журавлев, Шахмайкин 1987; Szemerényi 1989. 52–54; Maughofer 1989, 8–9. Там же ссылки на предшествующую литературу.

² Мы принимаем модель индоевропейской триады гуттуральных как наиболее вероятную в сравнительно-историческом и типологическом аспектах (аргументы см.: Эдельман 1973; Edelman 1987). Подробное обоснование триады: Гамкрелидзе, Иванов 1984, I, 85–134. Обзор дискуссии и аргументы в пользу единого ряда см. Откупщиков 1989.

³ В индоиранских языках спорадически также перед *i < * \check{e} и перед рефлексами слоговых назальных * η , * ν (подробнее: Эдельман 1986, 30–31).

и других процессов в разных языках группы сатэм показывают, что при общем едином для всей группы направлении трансформаций разные подгруппы и даже языки выявляют собственные пути развития как гуттуральных, так и *s по „правилу ruki“ (и собственные системные исключения из общих правил).

Поэтому для индоевропейцев, занимающихся историей балто-славянских языков, как нам представляется, было бы интересно знать некоторые детали протекания этих процессов в языках арийской группы. Во-первых, такое „боковое освещение“ может высвечивать не только общие правила и общие или индивидуальные исключения, но и некоторые нерешенные вопросы, на которых прежде просто не фиксировалось внимание исследователей. Во-вторых, в отношении развития в арийских языках рефлексов и.-е. *s, палатальных и велярных (особенно в позиции вторичной палатализации последних), в целом ряде индоевропейских работ повторяются схемы, возникшие еще в конце прошлого века и давно преодоленные в специальных трудах по истории этих языков. Последнее обстоятельство существенно, поскольку такие схемы задают неточные и даже ошибочные ориентиры при использовании материала арийских языков в сравнительных целях, что искажает общую историческую картину изменений консонантизма в языках группы сатэм.

Итак, в арийской группе языков, состоящей из трех „ветвей“, — индийской, иранской и нуристанской (традиционное название — „кафирской“)⁴, — позиционный переход и.-е. *s в *š*-образные звукотипы на фонетическом уровне и фонологизация результатов этого перехода — с вхождением звукотипов [s] и [š] в разные члены оппозиции s ~ š на фонологическом уровне — происходили неодинаково не только в разных „ветвях“, но и в различных ареалах иранской „ветви“. Этот переход был связан, как уже говорилось, с изменениями согласных, продолжающих сатэмные палатальный и велярный ряды (см. табл. 1; в колонке (2) вторично палатализованные варианты велярных маркированы значками палатализации; иранские рефлексy в колонке (8) приводятся в том виде, в котором они фиксируются в древних языках или реконструируются для незафиксированных древних состояний других языков; позднее картина существенно усложнилась).

⁴ В некоторых работах „кафирские“ языки по традиции рассматриваются вместе с дардскими, к которым они близки типологически. Генетически же, как показали исследования последних десятилетий, именно нуристанские („кафирские“) языки составляют третью, рано обособившуюся „ветвь“ арийских языков, а дардские являются далеко отошедшей группой внутри индийской „ветви“, подробнее: Morgenstierne 1974; Buddruss 1977; Edelman 1983, 15–16.

Иногда процесс перехода $*s > \check{s}$ исследователи определяют однозначно как палатализацию $*s$. Для арийских языков это не совсем так. При общей фонетической тенденции к появлению дополнительного, второго фокуса у $*s$ в позициях после рефлексов $*i$ (и, по некоторым данным, после $*i < *a$, хотя надежных примеров мало), $*u$, $*r$ (включая $*r < *l$), $*k$, $*\check{k}$, характер этого фокуса мог варьировать в зависимости от характера соседнего звука. Так, в позициях после $*r$, $*k$ и в большинстве диалектов после $*u$ возникает дополнительный заднеязычный (велярный) фокус, возможно, с отодвинутостью кончика языка назад, в постальвеолярную зону), порождая веляризованные „твердые“ шипящие звукотипы $*[\check{s}, \check{s}]$. После $*i$ и после рефлекса $*\check{k}$ (который к общеарийскому состоянию представлял уже палатальную аффрикату $*\acute{c}$) возникает дополнительный палатальный фокус, порождая палатализованные, „мягкие“ звукотипы $*[\acute{s}, \acute{s}]$. И те и другие поначалу были позиционно закреплены и находились в положении дополнительной дистрибуции друг с другом и со свистящим звукотипом $*[s]$, представляющим фонему $*/s/$ в других позициях⁵. При этом само наличие „мягких“ и „твердых“ шипящих на фонетическом уровне, различие между которыми не было значимым фонологически, сказалось впоследствии — при фонологизации $*/\check{s}/$ — на фонетической реализации этой $*/\check{s}/$ и на ее дальнейшей судьбе. Кроме того, в отдельных ареалах (как показал нуристанский материал, см. ниже) были возможны и другие позиционные варианты фонемы $*/s/$: в частности, после $*u$ она могла реализоваться двуфокусным звукотипом со вторым не велярным, а лабиальным фокусом, в виде $*[s^\circ]$. Перед звонкими согласными соответственно были варианты $*[z]$, $*[\check{z}]$ и т. п.

В результате в раннем общеарийском периоде была еще единая щелевая фонема $*/s/$, представленная различными звукотипами, находившимися в положении дополнительной дистрибуции. Однако ее позиция в системе парадигматических отношений уже отличалась от таковой в индоевропейском и в „прасатэмном“ состоянии, где она была противопоставлена всем остальным согласным как единственная щелевая всем остальным — смычным [Журавлев 1967, 32 и сл.]. К арийскому периоду изменилась сама система парадигматических отношений „вокруг“ $*/s/$: на фонемном уровне появляется новый класс согласных — аффрикаты, которые были к тому же противопоставлены по признаку „однофокусные“ ($*\acute{c}$, $*\acute{j}$, $*\acute{j}h$ — из индоевропей-

⁵ Явление реализации $/s/$ в виде свистящих и шипящих звукотипов в условиях отсутствия оппозиции $s \sim \check{s}$ — редкое, но не уникальное. Ср. ситуацию в диалектах языка кечуа, где отмечается реализация $/s/$ в виде $[\check{s}]$ после i перед k , \acute{c} в Айякучо, в виде $[\acute{s}]$ после u , $[\check{s}]$ после i в Кочабамбе [Климов, Эдельман 1977], или реализацию $/s/$ в виде $[\check{s}, \acute{s}, \acute{s}]$ в диалектах осетинского языка.

ских палатальных) ~ „двуфокусные“ (*č, *j, *jh — из индоевропейских велярных при их вторичной палатализации — ступень, которую прошли арийские и славянские языки, но не литовский). Это расшатало прежнюю систему и вынесло признак „однофокусности / двуфокусности“ (или „свистящести/шипящести“) на фонологический уровень, создав тем самым „нишу“ и для фонологизации оппозиции *s ~ š.

Позднее, после отделения прануристанских диалектов (о них см. ниже), в собственно индоиранской группе (т. е. в диалектах-предках индийских и иранских языков) произошел еще и переход в *[š] рефлекса палатального перед согласным (по типу *k̂t > *čt > *ċt > *št > *št, напр., и.-е. *oktō(u) ‘восемь’ > ар. *aštā(u), ср. др.-инд. aṣṭā, aṣṭāu, ав. ašta-), а это способствовало размыванию дополнительной дистрибуции свистящих и шипящих звукотипов и созданию оппозиции s ~ š⁶. При этом отсутствие мягкостной корреляции в древних арийских диалектах обусловило объединение шипящих — „твердых“ и „мягких“ — в единую фонему */š/, противопоставленную свистящей */s/, хотя, судя по презентации фонемы *š в дальнейшем, такое фонологическое объединение не было фонетически единообразным по всему ареалу арийских диалектов. При этом со становлением оппозиции s ~ š в древних индоиранских диалектах процесс не был закончен, и на формирование его в том виде, в котором мы видим эту оппозицию даже в языках древних памятников, существенный отпечаток наложили как дальнейшие спонтанные историко-фонетические процессы, так и ареальные, иногда субстратные артикуляционные тенденции.

Эти процессы несколько различались в иранских и индийских языках, хотя во многих отношениях они развивались сходным образом (в отличие от нуристанских языков, см. ниже).

В древних индийских диалектах, где рефлекс глухого палатального *k̂ в „свободной“ позиции (т. е. не в составе консонантной группы) был представлен *ś, а в преконсонантной *š, с фонологизацией оппозиции s ~ š, установилась троичная система сибилантов: /s/ (из *s) ~ /ś/ (из „свободных“ вариантов палатального *k̂) ~ /š/ (из позиционных вариантов *s и *k̂). При этом для фонемы */š/ возобладали „твердая“ артикуляция, усиленная, по-видимому, воздействием субстрата, — с постоянной бемольностью входящих в нее звукотипов и с вхождением ее в церебральный ряд.

Именно с этой „твердостью“, бемольностью, связано существенное „исключение“ в древнеиндийском из „правила ruki“, состоящее в отражении

⁶ Особенно характерно возникновение минимальных пар, ср., напр., ав. asti [он] ‘есть’ < и.-е. *es-ti, но aṣṭi — ‘мера ширины в четыре пальца’ — производное от ранне-и.-е. *okto- ‘четыре’ [Henning 1949].

и.-е. $*s$ в виде s , а не $*\check{s}$, если за ним следует r . Ср., напр., др.-инд. *tisrás* 'три' (ж. р.), при ав. *tišrō*; см. др.-инд. формы (в Риг-Веде) от *uṣar-* 'утренняя заря; персонифицированный образ зари': Gen. Sg. *uśrás*, LSg. *uśrī*, при Voc. *úṣar* (ср. лит. *aušrà*) и при другой древнеиндийской основе *uṣas* (NSg. *uśás*) от индоевропейского корня $*\check{u}es-$, $*(a)\check{u}es-$ 'рассветать, светить', выступавшего здесь в слабой огласовке $*us-$ [IEW 86, 1174]. Это явление объясняется относительной гоморганностью в древнеиндийском бемольных \check{s} и r , благодаря которой те элементы артикуляции, которые превращали здесь $*s$ в \check{s} , т. е. постальвеолярное положение кончика языка и элемент веляризации, воспринимались как относящиеся не к одному сегменту $[\check{s}]$, а ко всей последовательности $[\check{s}r]$. Иными словами, эти элементы ощущались не как ингерентные, а как резонансные, т. е. как результат фонетической регрессивной ассимиляции со стороны r , не значимой фонологически. Такое восприятие могло повлечь гиперкоррекцию — произнесение комплекса $/sr/$ в виде $[sr]$, которое вызвало затем фонологическую диссимиляцию комплекса.

Звонкие $*z$, $*\check{z}$ оказались нестойкими и легко подвергались стяжениям либо переходили в смычные согласные.

В иранских диалектах древнейшего (п्राязыкового для этой группы) периода сибилантная система фонологически была сходна с древнеиндийской, хотя и отличалась в презентации фонем: фонема $*/s/h/z/$ (из и.-е. $*s$), представленная в „свободной“ позиции в виде $*[h]$, а в соседстве с глухими и звонкими согласными соответственно $*[s]$ и $*[z]$ ~ фонема $*/\check{s}/$ (из „свободных“ вариантов и.-е. $*k$)⁷ ~ $*/\check{s}/$ — точнее $*/\check{s}/\check{z}/$ (из позиционных вариантов и.-е. $*s$ и $*k$). При этом в реализации $*/\check{s}/$ рано проявились различия по ареалам: в ареале юго-восточных диалектов, соседствующих с индийскими языками и наслывшихся на тот же или сходный субстрат, возобладала „твердая“, бемольная артикуляция (типа $*[\check{s}]$) с вхождением фонемы $*/\check{s}/$ в церебральный ряд, а при последующих изменениях — с продолжениями ее в виде бемольных рефлексов (l , w и др.); в остальных регионах $*/\check{s}/$ реализовалась относительно „мягкими“ звукотипами $*[\check{s}, \check{s}']$ с последующими соответствующими рефлексами (подробнее см. [Эдельман 1986, 106—118; Расторгуева 1990, 71—75, 134—137, 210—212]). Из последних наиболее интересно совпадение этого $*\check{s}$ с $*\check{s}$ из $*k$ в скифо-осетинских диалектах (сходное типологически с совпадением $\check{s} < *k$ и $\check{s} < *s$ в литовском языке, однако с тем различием, что в осетинском к ним впоследствии примкнули и звукотипы $*[s]$ от фонемы $*/s/h/z/$,

⁷ Впоследствии, с выделением h ($< *s$) в самостоятельную фонему, рефлекс $*\check{s}$ „сдвигаются“ в большинстве языков (но не во всех!) на освободившееся место, переходя в s (подробнее: Benveniste 1968, 64; Эдельман 1986, 41, 50, 80—88; Расторгуева 1990, 61—64, 127—129, 200—203).

благодаря чему в настоящее время нет оппозиции *s ~ š, а единая фонема /s/ по диалектам реализуется как [s, ś, š] и т. п.).

Характерно, что появление новых звукотипов s и š в иранских языках происходило и после разделения индийской и иранской ветвей. Так появляются новые [s], [z] из арийских *d, *dh перед согласными (ср. класс. перс. *ni-šastan* ‘садиться, сидеть’ из *ni-šasta-, -šasti- из и.-е. *sed- и лит. *sėsti*, рус. *сесть*), из консонантных групп *ts, *sk̂ и др., а с другой стороны — новые *[š], в том числе из рефлексов и.-е. *s и *k̂ после губных согласных, придававших им бемольность. Ср., например, ав. *drafšō*, класс. перс. *dirafš* ‘знамя’, при др.-инд. *drapsás* (от и.-е. *drep- или *drop- + s, ср. др.-инд. *drāpi-* ‘одежда’, лит. *drāpanos* [IEW 211]); ав. *fšu-man-* ‘владелец скота’ (< *p(a)śu-man-), при *pasu-* (< *paśu-) ‘скот’ и при др.-инд. *paśumán-*, *paśu-* (из и.-е. *pek̂- [IEW 797]) с дальнейшим развитием *fš* > *š* в класс. перс. *šu-pān*, тадж. *šubon*, *čūron* ‘чабан, пастух’ (< *fšū-pāna-); ав. *fšarəma-*, класс. перс. *šarm* ‘стыд’ < *pšarma- < и.-е. *kormo-*, ср. рус. *срам* [IEW, 615]. Таким образом, здесь продолжался, кроме прочих, процесс перехода рефлексов *s и *k̂ в *š, но уже в новой фонетической позиции.

Фонологизация звонких z, ž происходила относительно поздно, в уже распространившихся языках.

Заметно отличная от собственно индоиранской система развилась в третьей арийской „ветви“ — в нуристанских языках (см. Примечание 4). Поскольку рефлексы индоевропейских палатальных в прануристанском состоянии задержались на аффрикатной ступени (хотя и со сдвигом в дентальный ряд), не перейдя в щелевые, т. е. и.-е. *k̂ > ар. *ĉ > пранур. *c (> c, s), и.-е. *ĝ > ар. *j > пранур. *ž (> ž, z), и.-е. *ĝh > ар. *jh > пранур. *ž (> ž, z), то сибилантная подсистема представляла на первых порах в виде двух компонентов: *s (из и.-е. *s в „свободной“ позиции) и *š (из и.-е. *s после *i, *r, *k, но не после *u). В орбиту фонемы *s здесь вошли и рефлексы тех общеарийских согласных, продолжения которых в индийских и иранских языках дополнили состав фонемы *š. Так, в нуристанских языках в исконном лексическом материале *s после *u отражается в виде s; перехода ее в *š не происходило (ср. язык кати *musə*, прасун *müsu* ‘мышь’ из и.-е. *mūs- ‘мышь, мышца’ [IEW 752—3], при др.-инд. *mūṣ-*, ав. *mūš-*, класс. перс. *mūš*, рус. *мышь* и т. д.; язык кати *dus*, вайгали *dōs*, *dus*, прасун *ulus* (с l < *d) ‘вчера’, при др.-инд. *dōṣá-*, ир. *dauš-: ав. *daoša-*, класс. перс. *dōš* ‘вчера, вечером’ [IEW 217]). Это указывает на реализацию здесь в прошлом рефлекса и.-е. *s после *u в виде не „шипящего“ *[š], а лабиализованного свистящего *[s°], который при фонологическом размежевании *s ~ *š остался в орбите фонемы *s. Сюда же вошли рефлексы палатального *k̂ в позиции перед согласным, пройдя

путь $*\hat{k}t > *c\acute{t} > *ct > st$ (см. язык прасун $\bar{a}st\bar{e}$ 'восемь' из и.-е. $*ok\bar{t}\bar{o}(u)$ [Kuiper 1978, 101], ср. др.-инд. $a\check{s}\bar{t}\bar{a}$, $a\check{s}\bar{t}a(u)$, ав. $a\check{s}ta-$, лит. $a\check{s}tuoni$).

Тем самым здесь фонема $*/\check{s}/$ включила рефлексы меньшего количества аллофонов и.-е. $*s$ и $*\hat{k}$, чем в индийских и иранских языках. В ее реализации возобладала „твердая“ артикуляция $*[\check{s}]$ с отнесением ее к церебральному ряду (при воздействии субстрата). А становление оппозиции $s \sim \check{s}$ происходило в более отдаленной зависимости от изменения палатальных, чем в индийских и иранских языках.

Таким образом, при общей фонетической тенденции к переходу в определенных позициях и.-е. $*s$ в \check{s} -образные звукотипы во всех арийских диалектах древности, фонологизация результатов этого процесса в виде обретения самостоятельного фонологического статуса шипящими и становления оппозиции $s \sim \check{s}$ происходила значительно позднее, не одновременно и не во всем единообразно в различных „ветвях“ арийской группы (и даже в разных ареалах иранского языкового мира). Выявляется отсутствие как полного совпадения фонетических позиций перехода $*s > \check{s}$, так и единообразия в способах реализации новых фонем $*\check{s}$, и отсюда — дальнейшего взаимодействия этих $*[\check{s}]$, $*[\check{s}]$, $*[\check{s}']$, $*[\acute{s}]$ с другими элементами языка⁸ и затем дальнейших превращений $*/\check{s}/$. Все это указывает на зависимость процесса фонологизации $*\check{s}$ от тех фонетических и фонологических систем, которые сложились в той или иной группе древних диалектов к данному периоду.

Совершенно особую роль играли в отражениях и.-е. $*s$ явления аналогии (в широком смысле этого термина), способствовавшие появлению „перебоев“, т. е. переходу $*s > \check{s}$ там, где его, согласно историко-фонетическим законам, не должно было быть, либо, наоборот, „консервации“ $*s$ там, где ожидался переход его в $*\check{s}$. Такие явления (блестяще описанные для литовского языка, см. [Каралюнас 1966, 115–126]) наблюдаются в языках арийской группы с различиями не только между языками разных „ветвей“, но и между отдельными лексемами и разными словоформами, образующими единую лексему. Не вдаваясь, за недостатком места, в их анализ (результаты будут опубликованы в другом месте), отметим лишь, что наиболее существенными в этом плане были следующие процессы:

1. Ассимиляция внутри консонантной группы, слога, реже — внутри морфемы и даже слова, с различиями по языкам в отношении направления ассимиляции (связанного с предпочтительной структурой слога в данном языке), а также с различиями в длине отрезка, подверженного ассимиляции. Ср., например, регрессивную частичную ассимиляцию в др.-инд. $\acute{s}u\check{s}ka-$ 'сухой' <

⁸ Ср. церебрализующую роль $*\check{s}$ в древних индийских и части иранских диалектов.

**suška-* из и.-е. **saus- : sus-* [IEW 880—881], при ав. *huška-* из ар. **suška* (при прогрессивной ассимиляции в лит. *sausrà*, ср. рефлекс **s > š* при отсутствии ассимиляции в лит. *aušrà*).

2. Затухание колебаний огласовок типа и.-е. **yes- : us-*, *aus-* прежде утраты этимологической связи между морфемами с этими огласовками. Результат этого процесса — стандартизация в данных морфемах **s* или **š* — уже вне зависимости от позиций (т. е. одинаково после **a < и.-е. *e* и после **u, *u*).

3. Застывание начальной **s-* корня в виде **s* или **š*, независимо от характера предшествующего звука, входящего в префикс. Напр., **s* и.-е. корня **sed-* ‘садиться, сидеть’, употребляемого в индоиранских языках обычно с превербом **ni-*, отразился в части языков в виде рефлекса **š*, даже при изменении позиции (напр., др.-инд. *nyāśīdat* с вставкой аугмента *-a-*; тадж. *šīštan < *šīstan* при отпадении преверба), в других — в виде рефлекса **s* ($>$ ир. **h*, напр., в шугнанском языке осн. наст. вр. *nið-* $<$ **ni-had-ja-*, осн. прош. вр. *nūst < *ni-had-ta-*), в третьих — с различиями в застывших словоформах, также вне зависимости от фонетических условий (напр., в ишканинском языке осн. наст. вр. *nid-* $<$ **ni-had-ja-*, осн. прош. вр. *nəl/lūst < *ni-šad-ta-*). В конечном счете такое явление связано со степенью продуктивности префиксального элемента: пока он продуктивен, сохраняется возможность воспринимать начало корня в „чистом“ виде. При ранней утрате продуктивности префикса основа лексикализуется и застывает в том виде, в каком она была в период действия „правила *ruki*“.

4. Застывание некоторых древних посткорневых морфем с рефлексами **s-* ($>$ ир. *h-*) или **š-* в зависимости как от продуктивности этих морфем, так и от употребительности их в прошлом после корней или других морфем с разными конечными звуками.

5. Застывание некоторых древних некорневых морфем, содержащих и.-е. **s*, с рефлексами **s* или **š*. Напр., продолжение в иранских языках индоевропейского глагольного инхоативного суффикса **-ske > ар. *-sca > праир. *-sša > *-sa* (в отличие от др.-инд. продолжения *-ccha* из ар. **-sca* и от лит. *-š < *-sše? < *-ske*) сохраняет в дальнейшем *s* независимо от фонетических условий (ср. ав. *usaiti* ‘светает’ $<$ **us-ske-ti*, ср. др.-инд. *ucchati*, лит. *aišta*; материал более поздних языков см. также [Эдельман 1986, 87—88; 1990, 72 и сл.]) при том, что в индоевропейских сигматических основах и.-е. **s* подвергалось „правилу *ruki*“. Это явление тоже связано с поздней продуктивностью таких морфем (напр., инхоативный суффикс, ставший в иранских языках, как и в литовском, показателем ряда непереходных глаголов, продолжал быть продуктивным до недавнего времени).

Из всего сказанного напрашивается следующий вывод. Процесс перехода *s в ŷ-образные звуки в определенных фонетических условиях, начавшийся в индоевропейских диалектах группы сатэм в глубокой древности на фонетическом уровне, „выходил“ на фонологический уровень в виде становления оппозиции s ~ ŷ значительно позднее. Фонологизация ŷ и соответственно оппозиции s ~ ŷ происходили в уже „разветвившихся“ языковых и даже диалектных группах параллельно и независимо, и были тесно связаны с общей фонологической системой каждого языка или диалекта в соответствующий период. Тем самым фонологический переход *s в *ŷ и становление оппозиции s ~ ŷ не являются „датирующими“, т. е. отличительными инновационными признаками, которые четко вычленили бы группу сатэм из других индоевропейских диалектов или знаменовали бы этапы ее дальнейшей филиации, в отличие, например, от отражений палатальных (и в части диалектов — велярных при вторичной палатализации), аспирированных и т. д. Переход *s в ŷ-образные звуки в позициях после *i, *r, *k и — по диалектам — после других звуков (в большинстве диалектов после *u, в древних иранских — после губных и т. д.) был лишь общей фонетической тенденцией сатэмных диалектов, которая сопровождала в разной степени в разных ареалах изменения палатальных (и в части древних диалектов — изменения велярных при вторичной палатализации). При этом в различные эпохи эта тенденция перекрывалась воздействием законов аналогии, создававших разные по языкам „закономерные исключения“, затушевывавшие и даже разрушавшие результаты действовавшего прежде „правила ruki“.

ЛИТЕРАТУРА

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

Журавлев 1967 — Журавлев В. К. Реконструкция праславянской системы шумных согласных древнейшего синхронного состояния. — Изв. на Ин-та за бълг. език. 1967. Кн. 14.

Журавлев, Шахмайкин 1987 — Журавлев В. К., Шахмайкин А. М. Балтославянская вариативность индоевропейского *s и сатемовая палатализация гуттуральных. — Baltistica, 1987, t. XXIII(2).

Каралюнас 1966 — Каралюнас С. К вопросу об и.-е. *s после i, u в литовском языке. — Baltistica, 1966, 1(2).

Климов, Эдельман 1977 — Климов Г. А., Эдельман Д. И. К формированию фонологического ряда шипящих. — Phonologica, 1976. Innsbruck, 1977.

Откупщиков 1989 — Откупщиков Ю. В. Ряды индоевропейских гуттуральных. — Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Ленинград, 1989.

Расторгуева 1990 — Расторгуева В. С. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. Москва, 1990.

Эдельман 1973 — Эдельман Д. И. К типологии индоевропейских гуттуральных. — Изв. АН СССР. СЛЯ, 1973, Т. 32, вып. 6.

Эдельман 1986 — Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. Москва, 1986.

Эдельман 1990 — Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. Москва, 1990.

Benveniste 1968 — Benveniste E. Le système phonologique de l'iranien ancien. — BSL. 1968, t. 63, fasc. 1.

Buddruss 1977 — Buddruss G. Nochmals zur Stellung der Nūristān-Sprachen des afghanischen Hindukusch. — Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1977, H. 36.

Edelman D. I. The Dardic and Nuristani Languages. Москва, 1983.

Edelman 1987 — Edelman D. I. Articulatory Phonetics and Reconstruction Verification (Indo-Iranian Data) // Proc. XIth Internat. Congr. of Phonetic Sciences (Aug. 1987). Vol. 2. Tallinn, 1987.

Henning 1949 — Henning W. B. Oktō(u). — TPhS (1948), 1949.

IEW — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Kuiper 1978 — Kuiper F. B. J. Rec.: Morgenstierne G. Irano-Dardica. — IJ, 1978, Vol. 20, N 1/2.

Mayrhofer 1989 — Mayrhofer M. Vorgeschichte der iranischen Sprachen; Uriranisch. — Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.

Morgenstierne 1974 — Morgenstierne G. Languages of Nuristan and Surrounding Regions. — Cultures of the Hindukush. Wiesbaden, 1974.

Szemerényi 1989 — Szemerényi O. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 3. Aufl. Darmstadt. 1989.

ON PRECONDITIONS AND STAGES OF THE TRANSITION OF IE *s TO *š IN THE LANGUAGES OF THE SATĀM GROUP

Summary

The data of the Aryan languages show that the process of transition of *s to *š-type sounds under certain phonetic (articulatory) conditions, which had begun in IE dialects of the Satām group in earlier times on the phonetic level, has resulted on phonological level in appearance of the opposition *s* ~ *š* much later, after the Satām group had diverged into subgroups and even after the divergence of the Aryan protolanguage. The phonologization of the opposition *s* ~ *š* was proceeding in parallel, independent and not identical ways in each "branch" (Indian, Iranian, and Nuristani — "Kafiri") of the Aryan languages, and was closely connected with entire phonological systems of these languages.

Some "systematic exclusions" witness that phonological "ruki-rule" was not a distinctive feature of the separation of the Satām group from other IE dialects (as well as the Aryan group from other Satām dialects). The change of *s to *š-type sounds in position after *i, *r, *k, and — in various dialects — after some other phonemes (in most of the dialects, after *u, and later, in Iranian, after labial consonants, etc.) was only a common Satām phonetic tendency that accompanied (to different degrees in different areas) much more significant transformations of IE palatal (and in some dialects, palatalized velar) consonants.

This tendency from the early times was often blocked up by processes of lexical, grammatical and phonetical analogy (different in various languages), which obscure the results of the "ruki-rule".